

1 года; 2) за несоблюдение обязательных стандартов – лишение свободы до 2 лет или принудительные работы на срок до 1 года»¹²⁵.

С 1930 г. постановлением СНК от 6 августа № 266 утверждено Положение о Всесоюзном комитете по стандартизации (ВКС) при СТО, согласно которому он становится высшим органом не только по стандартизации, но и по метрологии в стране. В ведение ВКС передана Главная палата мер и весов со своими учреждениями¹²⁶.

Таким образом, в 20-е гг. XX в. формировались организационные основы стандартизации, разрабатывались ее методические, правовые, экономические и терминологические вопросы. Шли дискуссии, проводились конференции и семинары. Рождались новые, сейчас всем хорошо известные понятия: стандарт и стандартизация, технический контроль, качество продукции, технологическая дисциплина и т.д. Стандарт был определен как технический закон. К концу 20-х гг. от отдельных разрозненных мероприятий, проводимых различными ведомствами, страна перешла к слаженной общегосударственной системе стандартизации, охватывающей все отрасли промышленности на всех уровнях управления.

О.А. Валькова

*Институт истории естествознания и
техники им. С.И. Вавилова РАН
(Москва)*

АВТОБИОГРАФИЯ РОССИЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНОГО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В отечественной литературе по истории науки чрезвычайно мало исследований, посвященных разработке научных биографий женщин-ученых. Еще меньше работ (если быть более точным, то их количество упорно стремится к нулю), в которых исследуется проблема интеграции женщин в научную сферу деятельности, их мотивации, взаимоотношения с научным сообществом, применявшиеся ими, если можно так сказать, стратегии внедрения и, наконец, характеристики ими занятой ниши. Одной из причин подобного положения дел является, на наш взгляд, неразработанность источниковой базы.

Уже процесс выявления женщин, занимавшихся научной деятельностью в середине XIX – начале XX вв., представляет значительные трудности. Они связаны в первую очередь с традицией не подписывать свои научные труды при их опубликовании или подписывать псевдонимом (инициалами); публиковать работы под именем родственников мужского пола (отца, супруга, брата); переменной фамилии при замужестве (часто неоднократно)¹²⁷. Вообще с боязнью

¹²⁵ Герцензон А.А. История советского уголовного права. М: Изд-во юрид. лит-ры, 2003. С. 383.

¹²⁶ Куфман М.И., Чернягова В.И. 60 лет стандартизации в СССР: События и факты. М.: Изд-во стандартов, 1975. С. 45.

¹²⁷ Смена женщинами фамилий после замужества создает большие затруднения при поиске сведений о семье женщины-ученого и атрибуции научных трудов, тем более, что одна и та же женщина могла делать это несколько раз. Например, одна из первых русских женщин-врачей, супруга И.М. Сеченова

опубликования научных работ, а также часто занимаемым в этот период женщиной положением ассистента своего родственника-мужчины и отказом от самостоятельной деятельности. Все это сильно сужает возможности использования одного из основных для историко-научных исследований источника – научных трудов, во всяком случае, на первом этапе работы, связанном с выявлением круга персонажей, задействованных в историческом исследовании.

Еще меньше возможностей предоставляет другой, обычно широко используемый источник, а именно: делопроизводственная документация. При реконструкции биографии российского мужчины-ученого историк имеет возможность обратиться в архив учреждения или организации, на службе в котором (которых) тот состоял. Для указанного периода это преимущественно высшее учебное заведение (университет, Медицинская академия и др.) или Академия наук. В любом из этих случаев, как правило, можно рассчитывать на существование делопроизводственной документации, последовательно отражающей этапы карьеры ученого, так же как и его семейное и имущественное положение.

Женщина-ученый этого периода почти никогда не состояла на государственной службе и не занимала официальных должностей, таким образом соответствующей делопроизводственной документации никогда не существовало. В результате использование данного вида исторического источника вынужденно ограничивается деловой перепиской с научными обществами (и некоторыми другими документами научных обществ), отложившейся в их архивах, при условии сохранности этих последних.

Следующий по порядку (но не по значимости, поскольку трудно, почти невозможно утверждать, какой именно вид исторических источников является наиболее значимым) вид исторических источников, обычно используемый как при воссоздании научной биографии ученого, так и при решении какой-либо комплексной проблемы, – источники личного происхождения: мемуары, дневники, личная переписка – одним словом, документы, составляющие основу личных архивных фондов, иногда опубликованные еще при жизни их авторов (если говорить, например, о мемуарах). Следует однако констатировать, что российские женщины-ученые не особенно стремились писать мемуары. Известно всего несколько опубликованных произведений, принадлежащих к этому жанру, причем опубликованных в последние годы, и это несмотря на развитость и даже популярность жанра в конце XIX – начале XX вв.¹²⁸ Наиболее известные в ученом мире и, можно добавить, добившиеся научного

известна в литературе под двойной фамилией М.А. Бокова-Сеченова, где Бокова – фамилия ее первого мужа. Девячя же ее фамилия – Обручева. Известный отечественный палеонтолог М.В. Павлова, супруга А.П. Павлова, некоторое время носила фамилию своего первого мужа, врача Н.Н. Иллич-Шишацкого, девичья же ее фамилия Гортинская. Эти примеры далеко не единичны.

¹²⁸ Пожалуй, исключение составляют мемуары академика А.Я. Кочиной (1899–1999), изданные в 1974 г. (Кочина П.Я. Воспоминания. М., 1974; Кочина П.Я. Наука. Люди. Годы: Воспоминания и выступления. М., 1988 и др.). Большинство других, известных в настоящее время, увидело свет в течение последних 10 лет. Например: мемуары А.Н. Жуковой-Бек, первой сибирячки, получившей высшее медицинское образование (Общее дело. Жизнь и деятельность известных врачей Забайкалья Е.В. и А.Н. Бек. Новосибирск, 1996.); мемуары известного этнографа В.Н. Харузиной (1866–1931) (Харузина В.Н. Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет. М., 1999); археолога, графини П.С. Уваровой (1840–1924) (Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005).

признания женщины не сочли нужным оставить нам свои воспоминания. Доступность же других источников личного происхождения и, прежде всего, личной переписки зависит от сохранности и доступности личных архивных фондов, которую в данном случае можно охарактеризовать как мало удовлетворительную. Неудовлетворительное состояние архивных коллекций женщин-ученых хотя бы частично проистекает из неопределенного положения, занимавшегося женщинами в научном сообществе XIX – начала XX вв.

Можно выделить два наиболее распространенных типа российских женщин-ученых данного периода. Во-первых, женщина-супруга исследователя, выполнявшая роль его ассистента и постепенно перешедшая к самостоятельным научным исследованиям (часто после смерти мужа) и, во-вторых, женщина-любитель, известная своими научными трудами (иногда даже получившая диплом зарубежного университета), состоявшая членом научных обществ, но не имевшая никакого официального статуса или занимавшая вспомогательные (часто неоплачиваемые) должности ассистента, лаборанта, вычислителя и проч. (Только в конце первого – начале второго десятилетия XX в. в России появляются женщины, не только посвящавшие свое время занятиям наукой, но зарабатывавшие таким образом себе на жизнь).¹²⁹

В первом случае сохранность архива женщины-ученого обычно зависит от сохранности архива ее супруга,¹³⁰ в составе которого могут отложиться ее материалы. Однако, если супруг уходил из жизни первым, то в его архиве, как правило, не оставалось данных о последующих годах жизни и деятельности вдовы (или вообще никаких ее документов).¹³¹ Женщины же, определенные нами как «любительницы», часто бывали одиночки, не имели своей семьи, поэтому после их смерти не оставалось никого, кто бы мог позаботиться об их архивах; к тому же поскольку они не могли занимать сколько-нибудь значимого положения в научных учреждениях, в этих последних также не сохранялись принадлежавшие им архивные коллекции.¹³² В целом, можно утверждать, что личные архивы женщин-ученых исследуемого нами периода сохранились хуже, чем архивы мужчин-ученых того же времени.

¹²⁹ Конечно, исключения встречались и раньше, например, зоолог, первая женщина-заведующая Севастопольской биологической станцией С.М. Перяславцева (1849 – 1903), но это были именно исключения. Россиянка, желавшая во второй половине XIX в. не только заниматься наукой, но и зарабатывать таким образом себе на жизнь, вынуждена была искать работу за границей как, например, С.В. Ковалевская.

¹³⁰ Если архив мужа не сохранился, то в большинстве случаев нет никаких известий и об архиве его супруги. Такова, например, ситуация с архивом женщины-энтомолога, члена ОЛЕАЭ Е.К. Фреймут (в замужестве Кандинской), супруги известного отечественного психиатра В.Х. Кандинского (1849 – 1889).

¹³¹ Примером подобного положения дел может служить личный фонд российского астронома, члена-корреспондента АН СССР В.К. Цераского (1849 – 1925) в С.-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 716), в составе которого не отложилось ни одного документа его супруги (впоследствии вдовы) Л.П. Цераской (1855 – 1931), также крупного астронома, первооткрывателя 219 переменных звезд. По воспоминаниям коллег (Блажко С. Памяти Л.П. Цераской // Мирозведение. 1932. Т. 21. № 1 – 2. С. 114 – 119), Л.П. Цераская продолжала свою научную работу и после смерти супруга. В настоящий момент степень сохранности и место нахождения ее архива неизвестны.

¹³² Из числа одиночек, не имевших семьи, женщин-ученых второй половины XIX – начала XX вв., чьи архивы канули в лету, можно назвать, например, зоолога С.М. Перяславцеву, геолога М.Е. Цветаеву, астронома Н.М. Субботину и многих, многих других.

Таким образом, историк науки, пытающийся реконструировать биографию женщины-ученого или решающий какую-либо более сложную научную проблему, касающуюся деятельности отечественных женщин-ученых, оказывается в достаточно сложной ситуации. Даже после того, как установлено имя (или имена) героинь, очень часто не удается найти самой элементарной информации об их происхождении, семье, имущественном положении, полученном образовании, мотивах, подтолкнувших их к занятиям наукой. Восстановление основных этапов научной деятельности или списка наиболее крупных научных трудов может представлять серьезные затруднения. И все это в основном потому, что источниковая база подобного исследования представляет собой осколки и обрывки, зияющие настолько большими прорехами, что сложить из них что-либо целое практически невозможно. Нередки случаи, когда единственным историческим источником, откуда можно почерпнуть информацию о жизни и деятельности женщины-ученого является ее некролог (если, конечно, он существует и его удастся отыскать). А ведь речь идет о новом и даже новейшем периоде нашей истории.

Неудивительно поэтому, что находка автобиографии, т. е. более или менее полной и связной биографии, написанной самой женщиной-ученым, представляется выдающимся событием для исследователя. Однако сам жанр автобиографии, цели, ради которых она была написана, сильно ограничивают состав и характер содержащейся в ней информации. Время написания также имеет значение и, случается, накладывает значительные ограничения. Вот почему первоначальный восторг ученого от его удивительной находки нередко сменяется разочарованием из-за отсутствия в источнике ожидаемых сведений. Однако, как хорошо известно, сам факт отсутствия информации уже несет в себе информацию, и даже самые скудные факты могут быть драгоценными, особенно, если они – единственные. Поэтому мы сочли возможным посвятить настоящий доклад разбору некоторых особенностей автобиографии российской женщины-ученого середины XIX – начала XX вв. как исторического источника.

Проанализировав автобиографии выдающихся женщин-ученых второй половины XIX – начала XX в., мы можем констатировать существование нескольких разновидностей этого исторического источника. Они варьируются от сугубо личных, написанных для очень близких людей (подобные автобиографии можно отнести к источникам личного происхождения), смешанного типа, изначально предназначавшихся для опубликования и содержавших информацию как личного, так и делового характера, вплоть до автобиографий, которые с полным правом можно отнести к делопроизводственным документам. По мере все большего вовлечения женщин в занятия наукой и все большей профессионализации этой деятельности – процессов, имевших место в конце XIX – первых двух десятилетиях XX в. – по мере того, как постепенно уменьшалась юридическая разница между положением женщины-ученого и ее коллеги-мужчины, автобиографии женщин-ученых становились все более и более сухими, краткими и сугубо профессиональными. Автобиография теряла черты источника личного

происхождения и превращалась в делопроизводственный документ, составленный для информирования потенциального работодателя, не предназначавшийся для опубликования и, видимо, призванный дополнять другие документы (например, справку о рождении, о среднем образовании и пр.). Именно так выглядят дошедшие до нас автобиографии молодых женщин-ученых, начинавших свою научную карьеру в 20-е гг. XX в.

На основании изученных документов, мы вполне аргументировано можем утверждать, что автобиография женщины-ученого второй половины XIX – начала XX в. представляет собой уникальный исторический источник, содержащий ценнейшую информацию для историка науки. Одновременно документы этого вида требуют от исследователя проведения скрупулезного историко-критического анализа, поскольку определение степени достоверности содержащихся в них данных в большинстве случаев сильно затруднено, что провоцирует историка выдвигать произвольные предположения, не всегда подтвержденные имеющимися фактами.

Л.В. Васильева

*ГУ Центр исследований и статистики науки (ЦИСН)
(Москва)*

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

На протяжении всего периода становления российской науки в концептуальном плане обозначалась необходимость увязки научных исследований с приоритетными направлениями развития науки и техники. Ограниченность ресурсов и высокая стоимость научных исследований определили такой подход как одну из основных тенденций в развитии научной сферы всех индустриальных стран в последние десятилетия.

В методологическом плане система основных принципов и правил, регулирующих процедуру оценки и выбора, а также устанавливающих механизмы реализации научно-технологических приоритетов определяется в первую очередь общими потребностями, целями и приоритетами государственного развития, которые должны быть сформулированы в соответствующих документах на разных уровнях государственной власти – от президентского до регионального, от макроэкономического до узкоотраслевого. Но для российской науки проблема заключается в том, что на практике утвержденные приоритеты всегда подразделялись на декларируемые направления и фактически реализуемые посредством государственных (федеральных) программ и проектов. При этом уровень финансирования соответствующей программы являлся индикатором степени ее приоритетности.

Обозначение приоритетных направлений развития науки и технологий имеет свою историю в социально-экономическом развитии нашей страны. Впервые в официальных документах на государственном уровне приоритеты стали выделяться с 1986–1987 гг., как основные области исследований и разработок, реализация которых должна обеспечить значительный вклад в социальное, научно-техническое и